

Общественная газета -

ПОРТРЕТ

-1994-22-28
моя-с.т.

Неёлова, сигнал тревоги

Александр ИВАНИШИН

18 мая в Нью-Йорке была вручена почетная награда в области театрального искусства Drama Desk Award («ОГ», № 19) московскому «Современнику» — за гастрольные спектакли «Три сестры» и «Крутой маршрут», показанные на Бродвее осенью 1996 года. Одной из звезд лучших постановок «Современника» была и остается Марина Неёлова.

Александр
СОКОЛЯНСКИЙ

ТАЛАНТ Марины Неёловой был признан сразу, с первой же серьезной роли — то есть с «Валентина и Валентины» Михаила Рошина, с пьесы, которую в «Современнике» поставил выпускник Щукинского училища Валерий Фокин. Неёлову полюбили так трепетно, как ни одну из ее сверстниц, и так требовательно, как не любили ни одну из близких предшественниц. С ее появлением на сцене изменился строй чувств.

Молодую Неёлову никто не называл восходящей звездой. Само слово «звезда» в семидесятые годы было труднопроизносимо. Оно мысленно сочеталось с роскошной фальшью и самодовольством (а также, разумеется, с осточертевшими красными пяткиконечностями), но звездой актриса не была и по своей природной сути. Ей не поклонялись — по ней томилась.

Вот что поразительно: Неёлова была абсолютно ни на кого не похожа. Тем не менее подражать Неёловой могла, при некоторой смелости воображения, любая умная девушка — как старательно, как обильно и, главное, как талантливо ей подражали! Современницы перенимали не прическу и не позы, а повадку, в себе самих ощущая нечто родственное — одновременно отягощающее и проясняющее душу, мучительное и пленительное. В игре Неёловой, в отношениях ее героинь с окружающим миром, с любимым человеком, с собою словно бы сфокусировались смутные излучения всеобщего недовольства, глухой и непонятной обиды на неправильно устроенную жизнь. Они стали болью и приобрели имя: Марина Неёлова была, вероятно, самой необходимой актрисой для семидесятых годов.

Она артистически оправдала душевное смятение каждого человека: не трагического героя, которому эта мука положена по чину, не гения, который фактом своего существования оправдывает все (и именно поэтому несовместим со злодейством), а любого, кто хоть чуточку высвободился из заурядности. Более того, Неёлова заново дала почувствовать очарование дисгармоничной личности, недолговечное и пронзительное.

Прелесть дисгармонии обыватель признавал сам облик актрисы, опровергающий все возможные каноны красоты, точнее сказать — поразительным образом соединяющий женственность с мальчишеством, злость с нежностью, мягкую улыбку с локмим, заостренным жестом, грацию с постоянным внутренним беспокойством. Неёлова могла носиться по сцене нескладной караморой — и вдруг сделаться необыкновенно изящной. Переливчатость? Ни в коем случае — скорее, изломанность, которой впервые стало можно любоваться. Нет, даже не изломанность — никто ведь не ломал, так от природы получилось, — а влюбляющая в себя неладность. Все отмечено красотой диссонанса, даже фигура: хрупкое тело подростка и высокая, замечательно красивая груда.

Вот именно: подросток, подранок. Не фактура, не типаж, а особое состояние души, особое ощущение неадаптированности к общей жизни (миру «взрослых»). Это Неёлова хранила в себе очень долго — в расцвете зрелой женственности и зрелого мастерства. Тема звучала у актрисы в любых регистрах и даже в комическом: играя Марью Антоновну, дочку городничего в «Ревизоре», Неёлова включала в роль и мотив неприкаянности, и обиду на мир, и жгучее желание нравиться, и тоску по чуду (хотя бы — по чужаку!), и томле-

Марина Неёлова в «Трех сестрах».

ние неловкой плоти — все делалось глупым, неприличным, невыносимо смешным. Это не было расчетом с «ошибками молодости». Расставаясь с темой, Неёлова серьезно и страстно сыграла Ольгу Соленцову в пьесе Рошина «Спешишь делать добро» — угловатую девочку с горячим сердцем и абсолютно неприемлемыми манерами, убежавшую в город из захолустья. Именно девочку — даже не девушку: Неёлова могла себе такое позволить. Ее прощание с семидесятыми было благодарным.

Ощущение прерывной, не желающей определиться жизни, которое приходится загонять вовнутрь, как болезнь (а так необходимо кому-то довериться!), из «возрастной» темы Неёлова превратила в тему времени. Она соединила его с твердым знанием: меняться — нечестно. Жить, изменившись, — бессмысленно.

В искусстве накапливалась жажда протеста и открытого вызова. Она была чужда Марине Неёловой, точнее сказать, она преображалась для актрисы в готовность к бессмысленной жертве. Отдать все, заранее зная, что будешь обманута и отвергнута: это ее героини понимали, и на это шли без жалости к себе. Горькое счастье — тоже счастье, а смысл?.. Какой там смысл.

Неёлова была медиумом тревоги: не страха, который всегда конкретен и предметен, а чистой тревоги, ставящей человека лицом к лицу с Ничто. Это непереносимое состояние, и именно страх перед чем-то конкретным от него избавляет. Едва ли не любая из ролей Марины Неёловой — и в спектаклях, и в фильмах, включая детские сказки, — позволяет проследить сюжет этой тревоги: ее нарастание, ее узнавание, попытка бороться с нею или хотя бы заглушить. Затем катастрофа — или, что случается крайне редко, победа: тревога становится страхом, страх побеждается стойкостью. Поразительны были ее дуэты с Олегом Далем — актером, который шел навстречу тревоге с исключительным мужеством. Неёлову и Далия объединял интерес к небытию, включенному в жизнь души, к взаимным превраще-

ниям добра и зла — чтобы несколько снизить пафос, процитируем опереточное либретто: к «частице черта». У Далия он был вполне сознательным, у Неёловой, думаю, интуитивным.

Этот интерес несколько раз подталкивал Неёлову к ролям «демонических женщин», чудовишно упрощавшим ее игру и тему («Анфиса» Леонида Андреева), или героинь романтической трагедии, тоже не очень удававшимся. В «Лорензачо» Альфреда де Мюссе актриса выглядела довольно бездушной, но роль, кажется, любила. Спектакль был оформлен Славой (тогда еще — просто Вячеславом) Зайцевым — и какие костюмы он насочинял для Неёловой! Красивое платье — тоже способ заглушить тревогу.

Как победить ее в открытой борьбе, Неёлова показала лишь однажды: в «Крутом маршруте», спектакле, поставленном по тюремным воспоминаниям Евгении Гинзбург. Она была одновременно жертвой и свидетелем, героиней и автором: играла цельно, мощно, строго, в сущности, это была ее лучшая, по масштабу — трагедийная роль. У Марины Неёловой есть все данные, чтобы стать сегодня лучшей трагической актрисой российской сцены — вопрос в том, хочется ли ей этого. Амплуа роскошной мелодраматической красавицы в зрелости, если рассуждать по-человечески, столь же заманчиво, а душевных затрат требует куда меньше. Скоро Неёлова должна сыграть героиню тургеневского «Месяца в деревне». Спектакль ставит Роман Виктюк, умеющий соблазнять больших актрис пышными престестиями звездного положения, обучавший истовых, страстных, тонких — Аллу Демидову, Татьяну Догилову, Алису Фрейндлих — в «Федре», в «Нашем Декамероне», в «Осенних скрипках» — кокетливо и механично пренебрежительно. В его спектакле трагический талант Неёловой почти не имеет шанса раскрыться. Впрочем, в каком бы качестве ни появилась на сцене Марина Неёлова, зрительская любовь и признательность ей обеспечены.